

Цинь Чжэнго перестал протирать очки.

Он снова надел очки с возрастными линзами, и глаза за ними уже покраснели. Человеку в шестьдесят восемь лет стоило лишь чуть-чуть покраснеть глазам, как морщины на всем его лице углублялись еще на несколько линий, напоминая изрезанные ветром скальные породы.

Он не стал вставать. Он медленно-медленно присел на корточки.

Его коленные чашечки издали легкий щелчок — давало о себе знать профессиональное заболевание ревматизмом из-за многолетней работы за письменным столом. Он опустился на корточки перед Юэ Сяюэ, чтобы его взгляд оказался на одном уровне с этой семилетней девочкой. Он смотрел на нее не как академик, изучающий ребенка, а скорее как верующий, взирающий на маленькое божество.

— Ты... — его голос сорвался, кадык несколько раз поднялся и опустился, прежде чем он смог продолжить: — Как у тебя это получилось?

Юэ Сяюэ склонила голову набок, не совсем понимая, почему этот дедушка вдруг присел на корточки. У взрослых обычно бывает всего две причины присесть на корточки: либо завязать ей шнурки, либо отругать. Но этот дедушка ни шнурки ее не трогал, да и выражение его лица вовсе не предвещало нагоняя.

— Дедушка, у тебя ноги не затекли? — проявила она заботу. — Дядя Чэнь говорил, что пожилым людям нельзя долго сидеть на корточках, а то потом не встанешь.

— Не думай о моих ногах, — Цинь Чжэнго шмыгнул носом. — Лучше скажи мне, о чем ты думала? Когда писала это... когда создавала Сяо Мяо, о чем ты думала? Как ты додумалась до такой архитектуры программы? Как тебе пришло в голову обрабатывать узлы нейросети подобным образом? Это же не стандартный алгоритмический путь, ни одна лаборатория в мире никогда не использовала такой метод...

Он говорил все быстрее и быстрее, словно пытаясь выплеснуть наружу все накопившиеся за полжизни сомнения.

Юэ Сяюэ моргнула. Она вытащила леденец изо рта и очень серьезно задумалась. Затем она протянула руку и липким пальцем ткнула Цинь Чжэнго в переносицу, нахмуренную до состояния тесного комочка.

— Дедушка, не хмурься, — произнесла она. — Когда ты хмуришься, ты некрасивый.

Цинь Чжэнго замер.

В этот момент он вспомнил вовсе не научные проблемы. Он вспомнил свое детство — когда ему

было шесть лет, в старом доме в деревушке на юге Аньхоя, он сидел на корточке и палочкой рисовал круги на грязи, а его отец присел рядом и наблюдал за ним. Его отец был крестьяном, не умел читать, но взгляд, которым тот смотрел на него тогда, был точь-в-точь как его собственный взгляд на Юэ Сяюэ сейчас.

— Я не знаю, о чем я думала, — наконец ответила Юэ Сяюэ, и ее тон звучал так, будто она объясняла, почему любит клубнику, но не любит яблоки. — Просто... в голове было столько-столько линий, они сами собой сплетались вместе. Когда я вижу какую-то вещь, в моей голове автоматически строится ее образ, а потом я просто записываю этот образ. Иногда линий становится слишком много, и они завязываются узлами, тогда мне приходится медленно их распутывать... но в основном они сами собой выпрямляются.

— А что ты делаешь, когда они завязываются узлами? — допытывался Цинь Чжэнго.

— Ем конфету, — Юэ Сяюэ приподняла леденец в руке, с полным на то правом заявляя: — Наемся, а потом думаю дальше. Мама говорила, что когда голодная, голова плохо соображает.

Цинь Чжэнго вдруг улыбнулся. Улыбка эта была легкой, едва заметной — уголки его рта лишь чуть-чуть приподнялись вверх, а из глаз внезапно брызнули слезы. Одна за другой они скатывались из уголков глаз в борозды морщин и струились вниз по щекам.

Он не стал их вытирать. Он так и сидел на корточках перед Юэ Сяюэ, плача совсем как ребенок.

Юэ Сяюэ запаниковала. Она не боялась строгих взрослых, не боялась ругани, но больше всего на свете боялась, когда взрослые плачут. Каждый раз, когда плакала мама, она тоже начинала реветь, и они вдвоем с мамой заливались слезами в обнимку. А теперь вот этот едва знакомый дедушка сидел перед ней на корточках и плакал — у нее в голове просто завис весь процессор.

Она в растерянности пошарила по своим карманам — пусто. Ощупала карман с другой стороны — снова ничего. Тогда она наклонилась и вытащила из потайного кармашка на поясе штанов леденец — со вкусом клубники, обертка которого слегка сморщилась от тепла ее тела. Этот потайной карман сшила Су Лань, сказав, что он нужен ей, чтобы прятать тайные запасы конфет, и о нем не знал даже Чэнь Фэн.

Она сунула конфету прямо в ладонь Цинь Чжэнго, фантик еще хранил тепло ее тела.

— Дедушка, не плачь, — ее голос звучал немного торопливо, встревоженно, но очень искренне. — Съешь конфетку, и сразу станет не грустно. Если этого мало, у меня есть еще клубничные, я их прячу тайком, никто больше не знает. Это мой самый любимый вкус, угощаю тебя.

Цинь Чжэнго опустил взгляд на зажатый в ладони леденец, согретый теплом маленького тела. Фантик был помятым, а напечатанный на нем рисунок клубники стерся наполовину. Он сжал конфету так крепко, что костяшки пальцев побелели.

— Я посвятил всю жизнь физике, — его голос рассыпался на мелкие кусочки, каждый звук дрожал. — Некоторые вопросы не удавалось разрешить до самой смерти. А она в семь лет смогла на это указать. Ошибка в допущении в третьем задании... я сам не заметил ее, когда составлял задачу. Я преподавал сорок лет, сорок лет ругал студентов, а сам совершил ошибку больше, чем кто-либо на свете.

Он поднял голову и посмотрел на Юэ Сяюэ. Слезы в глазах омыли его взгляд, сделав его удивительно чистым и ясным.

— Небеса, вы наконец-то послали Хуася гения.

Эти слова прозвучали невероятно тихо, словно он говорил сам с собой,

словно вел диалог с каким-то далеким-далеким местом.

Юэ Сяюэ не поняла. Она немного постояла с наклоненной набок головой, разглядывая Цинь Чжэнго, а затем обернулась и посмотрела на коробку с клубникой на столе. Она подошла туда, встала на цыпочки, чтобы дотянуться до коробки, прижала всю ее целиком к груди и вернулась, поставив перед Цинь Чжэнго.

— Клубнику я тоже тебе отдам, — ей было очень жаль расставаться с ней, но она все же произнесла: — Только не плачь больше. Если ты будешь плакать, я тоже захочу.

Цинь Чжэнго снял очки для чтения и рукавом гимназического покроя яростно вытер лицо. На рукаве осталось большое влажное пятно. Он шмыгнул носом, сдерживая слезы, но глаза все равно оставались красными, а на ресницах еще висели невысохшие капельки.

— Больше не плачу, — сказал он. — Дедушка больше не плачет.

Он попытался встать — ноги затекли, тело качнуло из стороны в сторону, и ему пришлось поспешно опереться рукой в стол. Юэ Сяюэ протянула руку и двумя пальцами ухватила его за штанину, помогая удержать равновесие.

Цинь Чжэнго опустил взгляд на эту маленькую ручку и долго-долго молчал.

Затем он повернулся и направился к выходу.

Линь Цзяньцзунь прислонился плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди, на его лице не было ни единой эмоции. Но Цинь Чжэнго знал его уже двадцать лет и с одного взгляда понял, что глаза у того тоже красные.

— Старик Линь, — Цинь Чжэнго убрал очки в карман своей куртки, и его голос вернул себе

прежнюю твердость, но звучал гораздо мягче обычного. — Как ты тогда нашел ее?

— Это не я ее нашел. Она сама объявилась, — голос Линь Цзяньцзюня был глухим, будто выдавленным прямо из глубины грудной клетки. — Нарисовала кошку и взбудоражила весь мир.

Цинь Чжэнго обернулся и бросил взгляд на Юэ Сяюэ. Она уже открыла коробку с клубникой, присела на корточки у стены и клала самую крупную ягоду перед процессией муравьев, бормоча себе под нос: — Это вам отнесите домой, она очень сладкая. Но вы такие маленькие, позовите-ка еще много-много муравьев, чтобы унести ее вместе.

— Она кормит клубникой муравьев, — констатировал Цинь Чжэнго, и его тон звучал так, будто он описывал какое-то природное явление.

— Она кормит всё подряд, — отозвался Линь Цзяньцзюнь. — На прошлой неделе кормила муравьев у входа в столовую, позавчера — бродячих кошек на клумбе, а вчера — серверы в машинном зале. Понятия не имею, что, по ее мнению, едят серверы, но она оставила чипсу прямо рядом с серверным шкафом.

Цинь Чжэнго больше ничего не ответил.

Он сделал пару шагов и опустился на скамейку в коридоре. Положив тот самый леденец себе на колени, он стал медленно сдирать с него фантик. Конфета немного подтаяла от тепла, и ее поверхность покрылась тонким слоем липкого сиропа. Он сунул сладость в рот, и на кончике языка взорвался сладкий вкус.

В свои шестьдесят восемь лет в последний раз он ел леденец, когда его пятилетний внук сунул ему конфету в рот. Тогда он был занят написанием научной статьи и даже не поднял головы; конфета пролежала на столе весь день, пока ее в конце концов не выбросила жена.

Его глаза снова покраснели.

Линь Цзяньцзюнь присел рядом с ним, ничего не говоря, и два старика так и сидели плечом к плечу на коридорной скамье: один рассасывал леденец, а другой уставился в потолок.

Спустя долгое время Цинь Чжэнго заговорил: — Когда вернешься, перехвати то мое письмо.

— Его уже давно перехватили.

— ...Ну ты и шустрый.

— А иначе какой из меня военный.

Цинь Чжэнго вытащил леденец изо рта, опустил на него взгляд и сунул обратно. Он поднялся, его колени снова издали щелчок.

— С сегодняшнего дня, — произнес он, — если кто-нибудь еще посмеет сказать про этого ребенка хоть одно дурное слово, я первым этого не потерплю.

Он бросил взгляд в сторону лаборатории: дверь была приоткрыта, согбенная фигурка Юэ Сяюэ у самого угла выглядела крошечным комочком, ее косички по-прежнему были разной толщины, а задники домашних тапочек-зайчиков оказались замяты, из-за чего она казалась брошенной на произвол судьбы тряпичной куклой.

— Линь Цзяньцзюнь.

— М?

— Организуй-ка всё: со следующей недели я буду лично преподавать ей физику. Не ту детскую популярную науку, а самую настоящую физику. — Цинь Чжэнго сделал паузу. — Начнем с классической механики.

— Она может заснуть.

— Значит, пусть спит, — Цинь Чжэнго развернулся и направился к выходу, сделав два шага и бросив через плечо, не оборачиваясь: — Проснется — продолжим урок.

В дальнем конце коридора Юэ Сяюэ вдруг высунула из-за двери половину головы, зажав во рту неизвестно уже какую по счету конфету, и крикнула вслед удаляющейся фигуре Цинь Чжэнго: — Дедушка Цинь! Ты клубнику забыл!

Шаги Цинь Чжэнго на мгновение замерли.

Он не обернулся.

Он лишь лениво взмахнул рукой в воздухе, словно отгоняя невидимого комара.

Линь Цзяньцзюнь проводил взглядом его фигуру, исчезающую в конце коридора, а затем опустил глаза на экран своего телефона. На нем всплыло только что пришедшее сообщение от Цинь Чжэнго:

Ту коробку с клубникой отдай ей. И не говори, что это оставил я.